

Ф.В. Ливанов

Раскольники и острожники

Очерки и рассказы. Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Ф11

Ф11 **Ф.В. Ливанов**
Раскольники и острожники: Очерки и рассказы. Том 1 / Ф.В. Ливанов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 460 с.

ISBN 978-5-518-06726-4

ISBN 978-5-518-06726-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ.

I.

ПРОРОЧИЦА РАСКОЛЬНИЧЬЯ

УСТИНЬЯ НИКИФОРОВНА.

Усадьба Антона Лаврентьяча Лупоярова, бывшего некогда ставовымъ приставомъ, была не изъ красивыхъ въ С...ой губерніи. Это было неулюжее, просторное и безъ всякой архитектуры задуманное строеніе—какая-то масса темнаго тесу, съ темными стеклами въ большихъ окнахъ. По бокамъ дома, оканчивавшагося, по обыновенію, неулюжимъ мезониномъ, опиравшимся на четыре покосившіяся колонны, стояли въ три ряда густыя, высокія березы; изъ-за крыши видѣлись бурья вершины огромныхъ липъ: весь домъ словно заросъ кругомъ, какъ заросъ небритою уже четыре года бородою и самъ хозяинъ дома.... Вправо отъ усадьбы Лупоярова, по берегу заплѣсневшаго пруда, торчало пять—шесть небольшихъ ветхихъ лачугъ, болѣе похожихъ на заброшенные шалаши пастуховъ, чѣмъ на жилища живыхъ людей. На соломенныхъ крышахъ этихъ лачугъ, кругомъ пробуравленныхъ воробьиными и галчинными гнѣздами, росъ зеленый мохъ; изъ сосновыхъ срубовъ, некогда сплоченныхъ и прилаженныхъ, одинъ отскочилъ назадъ, другой покачнулся на бокъ, третій вросъ въ землю, четвертый расползался во всѣ четыре стороны, готовый скоро изобразить

зять собою нѣчто въ родѣ пирога. Тутъ жили крестьяне, нѣкогда называвшіеся брѣвостными помѣщика Пузанова, а нынѣ свободные собственники наисквернѣйшей земли, которую, съ помощью пріятеля-землемѣра, постарался надѣлить ихъ Пузановъ. Десять дворовъ изъ сихъ крестьянъ убрались уже на новыя, пріисканныя ими въ другихъ уѣздахъ, земли, а шесть дворовъ застряли по бѣдности своей и не знали, куда главу превлонить. Антонъ Лаврентьичъ приобрѣлъ настоящую усадьбицу двадцатилѣтнею своею безпорочною службою... на имя жены своей, немудрящей дворянки—засидѣвшейся въ свое время въ дѣвкахъ до тридцатилѣтняго возраста и на двадцать-восьмомъ году своей жизни игравшей еще съ азартомъ въ свои козыри съ сѣнными дѣвками—и поселился въ усадьбѣ при отставкѣ въ 1859 году, когда судебные слѣдователи оттѣснили становыхъ съ просторной дороги, чтобы въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ доживать остатокъ дней своихъ. Неожиданное освобожденіе крестьянъ лишило, однако, скоро Лупоярова восьми человекъ брѣвостныхъ даровыхъ слугъ, такъ что миръ и спокойствіе остались при немъ, но восемь дворовыхъ людей отлетѣли безвозвратно. Впрочемъ у Антона Лаврентьича, за надѣломъ своихъ восьми душъ крестьянъ, осталась еще тысяча десятинъ земли и онъ могъ влачить остатокъ дней своихъ безъ нужды.

Лѣтомъ въ 1860 году мнѣ довелось проѣзжать мимо описанной усадьбы Антона Лаврентьича, и я рѣшился завернуть къ нему, чтобы послушать его рассказовъ про былое время. Изъ общей молвы я слышалъ объ немъ, что онъ большой краснбай, любитъ поговорить о быломъ, и радъ бываетъ, когда кто къ нему завернетъ, но несчастье его состояло въ томъ, что къ нему мало кто завертывалъ. Въ С...ой губерніи наперечетъ знали его прежнюю службу, какъ становаго, и отзывались объ немъ съ полнымъ негодованіемъ. Господинъ Лупояровъ несъ, такимъ образомъ, на своихъ плечахъ бару общественного мнѣнія.... Что же? Не мѣшаетъ, думаю, знакомиться съ разнаго рода типами, населяющими русскую землю; авось извлечешь и какую-нибудь назидательную пользу!

И я рѣшился заѣхать къ Антону Лаврентьичу.

Въѣзжаю на пустой дворъ, заросшій лебедю: кругомъ пустынно и безлюдно. Вхожу въ домъ и осматриваюсъ: внутренность дома тоже невесела. Все въ немъ мрачно и тускло, все казалось старѣе, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Босая баба провела меня въ гостиную, съ кожанымъ диваномъ и кожаными старомодными креслами. Хозяинъ не замедлилъ выдти изъ дѣтской въ гостиную и долгое время могъ привѣтствовать меня только знаками и тѣлодвиженіями, на которыя я, съ своей стороны, отвѣчалъ однѣми улыбками и поклонами, потому что двѣ лягавыя собаки и одна комнатная шафка, вбѣжавшія въ дверь гостиной съ хозяиномъ, подняли такой ужасный лай, что Антоя Лаврентьичъ хлопаяемъ по воздуху пестрымъ носовымъ платкомъ и другими средствами едва, въ продолженіе цѣлыхъ десяти минутъ, могъ успокоить разъярившуюся домовую свою стражу. Воспользовавшись возстановившеюся тишиною, я наконецъ назвалъ хозяину, который въ одинъ со мною голосъ объявилъ, что очень радъ новому знакомству. Сѣли. Антоя Лаврентьичъ немного смущался и громко сморкался въ носовой платокъ. Онъ былъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, высокій, полный, но осунувшійся мужчина и съ небритою, сѣдоватою бородою. Лице его не выражало ничего особеннаго: черты тяжелыя, простыя, съ отпечаткомъ равнодушія, лѣни и отчасти плутовства. Жену, по его словамъ, онъ схоронилъ назадъ тому шесть лѣтъ, дѣти его все мерли, такъ что у него осталась одна только дочь, и то застарѣвшаяся дѣва, которая скоро и вышла къ намъ въ гостиную. Довольно высокая, худая, съ изношеннымъ лицомъ и накладкой красноватыхъ волосъ, дѣва эта кое-какъ завязала съ нами общій разговоръ, предлагая вопросы хотя незначительные, но способные поддержать бесѣду. Дѣло пошло на ладъ. Лупояровъ сталъ развязнѣе, безъ смущенія сталъ сморкаться въ носовой платокъ, безпрестанно вынималъ берестовую табакерку и сталъ называть меня уже: милый человекъ, батенька. Это, какъ видно, были его всегдашнія поговорки. Скоро смерклось. Мы напились чаю, который подавала экономка — толстая, краснощекая баба, при входѣ которой въ гостиную послышался дѣтскій пискъ въ спальнѣ. Экономка заторопилась:

— У васъ еще и маленькіе есть? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это вотъ у экономки. Я тутъ... она, знаете...

И Антонъ Лаврентьичъ замаялся. Я сконфузился.

Послѣ чаю старая дѣва скрылась и выслала въ гостиную водочки съ закускою. Антонъ Лаврентьичъ выпилъ рюмочку и мнѣ предложилъ другую. Я отказался.

— Ужели не пьете совсѣмъ? спросилъ удивленно Лупояровъ.

— Не пью.

— Странно, какіе люди нынѣ стали водиться.

— Ничего, говорю, нѣтъ страннаго.

— Я не объ васъ собственно говорю, подхватилъ Лупояровъ — а такъ вообще о новомъ времени. Чудно какъ это все идетъ нынѣ, куда ни посмотришь. Все какъ-то иначе. Прошло старое время совсѣмъ.

— Да, говорю, прошло.

Пауза.

— Вы бы рассказали мнѣ, говорю, Антонъ Лаврентьичъ, чтонибудь про старое ваше время. Я охотникъ слушать про былое.

— Что же интереснаго вы найдете въ немъ? Люди только дурили тогда, доложу вамъ, а не жили. Вотъ нынче, говорятъ, совсѣмъ другое: всѣ поумнѣли; даже и раскольники, на что ужъ дураки были, и тѣ стали умнѣть.

— А вы много имѣли дѣлъ съ раскольниками?

Лупояровъ усмѣхнулся.

— Какъ же, батенька, не имѣть, когда я двадцать лѣтъ былъ становымъ среди самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ въ Н..мъ уѣздѣ. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Кушайте, говорю, за меня: все равно — я приму это за угощеніе.

— Ну хорошо.

И Лупояровъ выпилъ двѣ рюмки: за себя и за меня.

Я примѣтилъ, что Антона Лаврентьича начинало манить къ рассказамъ о быломъ, какъ военнаго служаку къ повѣствованіямъ о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Его круглое лицо, съ большими карими глазами и засинѣвшими губами, покрылось легкой улыбкой, которая заиграла и на ямочкахъ щокъ. Вся фигура его забрзгала какъ-то въ креслѣ.

— И любопытный, говорю, народъ эти раскольники?

— Блажной, батенька, блажной, а не любопытный: дураки неповитые.

Опять небольшая пауза.

— У васъ я думаю много анекдотовъ хранится въ памяти объ ихъ житьё-бытьё?

— Много, батенька, много. Да не хотите ли еще по рюмочё?

— Сдѣлайте милость: и за себя и за меня, безъ церемоніи.

И Антонъ Лаврентьичъ выпилъ еще двѣ рюмки и началъ свой рассказъ, который мы и записали для читателей, раздѣливъ его на главы.

I.

БЫДЬ МОЛОДЦУ НЕ УКОРЪ.

— Въ наше время, батенька, становые имѣли совсѣмъ другой колеръ, чѣмъ нынѣ, а исправникъ былъ то же въ уѣздѣ, что губернаторъ въ губерніи. Ну оно служить было и лестно! Ёдешь, бывало, по селу раскольничьему — у меня весь Н...ій уѣздъ состоялъ изъ раскольничьяго населенія — всѣ мужички и бабы поклонъ до земли.

Ёдетъ, говорятъ, бояринъ,

Ёдетъ думный —

Дайте дорогу!

Эту пѣсню они изъ книгъ какихъ-то взяли, и всегда повторяли ее, когда я или исправникъ проѣзжали среди ихъ. Я доподлинно зналъ, что они меня, исправника и все начальство вообще ненавидятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, но пѣсню эту распѣваютъ однако, когда встрѣчаются съ начальствомъ, потому — боятся силы начальственной. Надо и то сказать, мы имъ шалить-то особенно и не позволяли: вѣдь въ нашихъ рукахъ живьемъ были! Чуть, бывало, заврутса, мы ихъ и въ острогъ... Не забывайся, значить, — знай свое начальство! Они, разумѣется, хорошо понимали нашу силу, потому что всѣ строгія высшія распоряженія сыплются, бывало,

прямо къ намъ въ руки и мы должны ихъ приводить въ исполненіе. Нынѣ вотъ, говорятъ, иначе это дѣло дѣлается, а въ наше время строгости къ раскольникамъ сыпались каждую недѣлю, въ разныхъ предписаніяхъ, такъ что едва, бывало, успѣваешь во входящую записывать. Только, скажу вамъ, строгость эта усиливала лишь въ этихъ раскольникахъ упорство и ненависть къ намъ. Я замѣтилъ въ продолженіе всей своей двадцатилѣтней службы, что какъ только, бывало, высшее начальство начнетъ усиливать предписанія свои строгостями къ раскольникамъ, такъ цѣлыя деревни почнутъ обращаться въ расколъ, чтобы въ страданіяхъ за гонимыхъ несчастныхъ соплеменниковъ своихъ получить скорѣе и вѣрнѣе вѣнецъ мученическій... Должно быть, говорятъ, вѣра раскольничья правая, когда претерпѣваетъ гоненія отъ нечестиваго начальства, какъ въ древности христіанская церковь подвергалась гоненіямъ отъ язычниковъ?! Вотъ и толкуйте вы съ ними! Такой ужъ глупый народъ. Я думаю, что все это отъ необразованности зависитъ, потому часто бывало и такъ дѣлаешь, жалѣючи дураковъ: возьмешь съ каждой сотни изъ новообращенныхъ въ расколъ по пятидесяти руб. сер., то-есть по полтиннику съ рыла, да и донесешь начальству, что всѣ мѣры строгости приняты были противъ размноженія раскола, и совратившихся вновь изъ православія не оказалось. А то согласитесь сами: вѣдь ихъ канальевъ затаскаютъ по острогамъ, а нашъ братъ изволь каждого дурака допрашивать — завяжется до тысячи новыхъ дѣлъ, изволь ихъ производить!.. Вотъ бѣглымъ и вреднымъ людямъ я не потакалъ. Но изъ этихъ бѣглыхъ, скажу вамъ, есть совсѣмъ безвредные, которыхъ я, жалѣючи ихъ дурость, всегда миловалъ. У нихъ, видите ли, есть глупое такое ученіе, что надобно бѣжать въ лѣса отъ притѣсненія полиціи и правительства. И вотъ они открыли дороги изъ Москвы и Тулы во всѣ мѣста Россіи, и изъ этихъ двухъ городовъ, какъ отъ центровъ, по всему лицу русской земли до Чернигова, Костромы, Кавказа и Иркутска, расходятся недовольные искать въ лѣсахъ спасенія. Само собою разумѣется, какое же присутственное мѣсто дастъ паспортъ мужику на жительство въ лѣсу—этогого и закона нѣтъ; вотъ они и придумали свои паспорта, съ которыми и гуляютъ изъ лѣса въ лѣсъ,

изъ губерніи въ губернію, живутъ у своихъ страннопріимцевъ и воображаютъ, что живутъ внѣ начальства. А какое внѣ начальства? что ни шагнетъ каждый—то въ рукахъ полиціи! У меня въ уѣздѣ каждый годъ такихъ недовольныхъ до тысячи человекъ проходило, и ни одинъ не прокрадывался мимо моихъ рукъ. Спросишь, бывало, молодца:

— Паспортъ есть?

— Есть, говорить.

— Кажи.

Онъ вынимаетъ листъ бумаги и подаетъ. Читаешь.

— Что, братъ, это у тебя за галиматья? Откуда выданъ?

— Смотри, говорить, и разумѣй.

— Да разумѣть-то, молъ, нечего, ерунда какая-то! А настоящій паспортъ есть?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Не принимаю. Это печать правительства — знакъ Антихриста.

— А въ острогъ за это хочешь?

— Готовъ, говорить, все претерпѣть, на это обреченъ есмь... Не страшать меня муки лютыя, звѣри хищныя, не боюсь слугъ Антихриста; и пойдетъ и пойдетъ...

— Ну что, спрашиваю я васъ, батенька, обратился бо мнѣ Лупояровъ, — вы сдѣлали бы, на моемъ мѣстѣ, съ такимъ дуракомъ? Вѣдь его въ какой угодно острогъ сажайте, въ какую угодно Сибирь ссылайте — Восточную или Западную — онъ все свое будетъ говорить, все будетъ переносить съ воловьимъ терпѣніемъ, а главное — въ полной увѣренности получить за это вѣнецъ мученическій, а сообразите: чрезъ эти его глупыя страданія за вѣру еще нѣсколько сель пойдетъ въ расколъ, синодикъ объ немъ напишутъ, моленья начнутъ совершать и еще тѣснѣе соединятся между собою... Вотъ по этимъ-то причинамъ подумаешь-подумаешь бывало, да и скажешь: а ну-ка принеси мнѣ братъ изъ своихъ трудовъ праведныхъ пять руб. сер., да и убирайся изъ моего уѣзда поборѣе въ другой, куда тебѣ путь лежитъ, а я тебѣ дѣлать зла не хочу! И такимъ-то образомъ, скажу вамъ, вошло у

меня въ обычай, что всякій проходящій по моему уѣздѣ „странникъ — бѣглый“ долженъ былъ являться ко мнѣ непременно, и заявлять добровольно свой паспортъ, при чемъ прилагать и пять руб. сср., чтобы знаете ужъ потомъ онъ нивакой придирки не боялся, пока посѣщаетъ своихъ братій... Вотъ тутъ-то я насмотрѣлся на всѣ ихъ паспорта, которые оказывались весьма разнаго калибра, но я, однако, наконецъ наострился въ этомъ дѣлѣ такъ, что по паспорту сталъ узнавать, что за птица предъявитель его. Скопца, бывало, напримѣръ, спросишь:

— Съ паспортомъ?

— Съ паспортомъ, отвѣтитъ.

— Давай.

— Извольте.

— Ты скопецъ?

— Такъ точно.

— А отъ кого паспортъ выданъ?

— Отъ великаго Царя, Спасителя, небу и земли Вседержителя.

— А ты у него былъ?

— Я? Нѣтъ... это значитъ... Ну и замнется бывало человѣкъ такъ, что совсѣмъ въ тупикъ станетъ.

— Ну а гдѣ паспортъ прописанъ?

— Въ полиціи, говоритъ, полной, еже имѣти разумъ духовный...

— А гдѣ же эта полиція?

— Она невидима.

— Что же, молъ, за разумъ у ней духовный? А развѣ въ нашей полиціи нѣтъ разума; развѣ она безголовая какая; развѣ я, напримѣръ, дуракъ что ли по твоему?

— Сіе, говоритъ, должно разумѣть инако...

— А это вотъ что въ паспортѣ твоемъ за слово: „кто вѣры ради тебя погонитъ, тотъ въ геенну себя готовитъ“?

— Сіе разумѣй о начальствѣ, которое вѣру нашу гонитъ...

— Такъ ты думаешь, что я въ геенну-то такъ вотъ за тебя дурака и пойду, и начну тебя преслѣдовать? Ошибся, другъ любезный, я умнѣе тебя: вотъ возьму, да отпущу тебя, и геенны огненной избавлюсь. Понялъ?

— Сіе, говорить, отъ воли человѣка зависитъ. Пути въ царствіе божіе всѣмъ открыты!...

— Ну такъ, моль, давай-ка пять руб. сер., да и съ Богомъ поскорѣе убирайся изъ моего стана“. Разочтешься, знаете, такимъ образомъ съ рабомъ божіимъ, да и съ рукъ его долой, и дѣла лишняго себѣ на шею не вяжешь... Такъ вѣдь чтò вы думаете? Сердятся бывало канальи: вѣра, говорятъ, наша не очищается въ горнилѣ; Бога знать прогнѣвали... Извольте вы тутъ понимать ихъ! Но неотвязчивѣе всѣхъ, скажу вамъ, были предъявители странныхъ паспортовъ. Подасть, бывало, свой паспортъ каналья, а самъ такъ и смотритъ въ глаза: какое, дескать, намѣреніе имѣю я въ отношеніи къ нему? Возьмешь паспортъ его и читаешь. Въ паспортѣ, по обывновенію, написано:

„П А С П О Р Т Ъ.

„Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой.

Кого ся убою,

Господь защититель живота моего,

Кого ся устрашу.

Аще ополчится на мя полкъ,

Не убоятся сердце мое.

„По благоволенію великаго и пресильнаго всемірнаго царя, котрымъ сотворено небо и земля, по его владычному повелѣнію данъ сей указъ душѣ моей грѣшной на прокормленіе, а тѣлу на трудъ и озлобленіе. Отпустилъ мя раба своего, великій господинъ, Богъ града вышняго и уѣзду, Пустынскаго стану, Чернопенскаго села Будова, того господина всея твари едина. Имя ему сый, санъ его благословеннаго. Азь деревни Нечкина, а прописаны мнѣ лѣта— радость будущаго свѣта. А приложено множество св. отецъ рукъ, еже бояться страшныхъ и вѣчныхъ мукъ, а прописанъ въ полиціи полной, имѣть разумъ духовный, а заномеренъ въ путь радости, чтобы не имѣть лѣности, идти правымъ путемъ о Христѣ, чтобы не держали бѣсы раба божія нигдѣ, а кто страннаго пріять

будеть бояться, тотъ не хочетъ съ господиномъ моимъ знаться; а кто ми вѣры ради погонить, тотъ явѣ себя съ Антихристомъ въ геенну готовить. Упованіе намъ Богъ, и прибѣжище наше Христосъ, и покровитель намъ Духъ Святой, а еже сего не буду наблюдать, то много буду плакать и рыдать. Все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, Матерь Божія, сохрани мя въ своемъ покровѣ. Аминь“!

— Твой? спросишь по прочтеніи паспорта.

— Мой.

— Въ острогъ хочешь?

— Радъ за вѣру страдать!..

— А деньги пять руб. принесть съ собой?

— Принесть.

— Давай?

— Извольте!

— Ну и прощай, молъ, любезный, да поскорѣе уходи изъ моего стана. Тавимъ манеромъ срѣжешь, бывало, молодца, онъ и поидетъ себѣ по добру по здорову... Паспорты эти отъ нихъ я не отбиралъ, потому что толбу въ такой галиматьѣ? Никому они вреда не причиняютъ, ничего въ нихъ кромѣ глупаго не содержится, да и интереснаго мало; но вотъ, когда попадались у нѣкоторыхъ изъ нихъ писанія разныя, которыя они разносятъ часто съ собою изъ губерніи въ губернію, то особенно занимательныя я оставлялъ у себя. Соберутся бывало когда засѣдатель, священникъ, ну—и посмѣемся вмѣстѣ... У одного, напримѣръ, я однажды отобралъ „газету Ада“. Занимательная штука! Если любопытствуете, я сейчасъ принесу вамъ ее.

И Антонъ Лаврентьичъ вышелъ изъ гостиной въ кабинетъ.

II.

ГАЗЕТА АДА.

По уходѣ Антона Лаврентьича, я остался одинъ. Старая дѣва, дочь Лупоярова, сообразивъ, что гость оставленъ одинъ, вошла тотчасъ ко мнѣ въ гостинную изъ дѣтской.